

Они сражались за Родину!

★ Максим БУЗИН ★

ПАРАШЮТИСТЫ-ДИВЕРСАНТЫ СТАЛИНА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б90

Бузин, Максим Леонидович.

Б90 Парашютисты-диверсанты Сталина. Прорыв разведчиков / Максим Бузин. — Москва : Эксмо : Яуза, 2016. — 352 с. — (Война. Штрафбат. Они сражались за Родину).

ISBN 978-5-699-91923-9

Август 1941 года. В глубокий немецкий тыл заброшена разведгруппа наших парашютистов-диверсантов с заданием захватить новейший американский бомбовый прицел «Норден», установленный на экспериментальном бомбардировщике «Летающая крепость», который был подбит над Берлином, совершил вынужденную посадку и попал к спецам Люфтваффе.

Хватит ли у разведчиков сил и жизней, чтобы с боем прорваться на сверхсекретный объект «Икс», охраняемый не хуже ставки Гитлера?

Смогут ли диверсанты уйти от погони на трофейном бронесамомобиле?

Как разведгруппе вернуться к своим из глубокого немецкого тыла?

Угнав с вражеского аэродрома бомбардировщик «дорнье» и отбившись от поднятых на перехват «мессершмиттов»!

Когда на кону не только их жизни, но и судьба войны — разведчики идут ва-банк!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91923-9

© Бузин М.Л., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

ГЛАВА 1

Это был обычный вечер в конце сентября 1940 года. Уже несколько дней, как на смену теплomu и солнечному бабьему лету пришли проливные дожди, сопровождавшиеся сильным порывистым ветром, — первые вестники наступившей осени.

Закончился очередной рабочий день. Жители Берлина возвращались домой. Те, кто жил неподалеку от места работы, шли пешком, прикрываясь от низвергающихся с небес потоков воды рвущимися из рук зонтами, и отчаянно завидовали пассажирам следовавших по своим маршрутам переполненных людьми трамваев. А те, прильнув в праздном любопытстве к покрытым каплями дождя запотевшим окнам, в свою очередь испытывали некоторую досаду от того, что по тем или иным причинам они вынуждены пользоваться буквально впитавшими в себя всю сырость и промозглость серых неприветливых улиц и поэтому ставшими такими неуютными вагонами. И молча завидовали тем счастливицам, кто в данную минуту под мерный стук колес проносился где-то под землей в ярко освещенных составах берлинского метро.

Зашедший в вагон на одной из остановок широкоплечий человек плотного телосложения, одетый в серую шляпу и такого же цвета плащ, ничем не выделялся среди других пассажиров трамвая, следовавшего в сторону Александерплатц.

С трудом протиснувшись сквозь плотно стоявших в салоне людей, он ухватился за поручень и отсутствующим взглядом уставился в мутное от повышенной влажности и человеческого дыхания окно. Периодически получая толчки в спину отдвигающихся к выходу и обратно пассажиров, он, как истинный берлинец, привыкший к подобным неудобствам, оставался невозмутимым. Даже когда ему сильно наступили на ногу, невыразительное от природы лицо сохранило свое спокойное и расслабленное выражение.

— Простите, — пробормотал за его спиной тихий мужской голос, очевидно принадлежавший виновнику данного инцидента, — я не нарочно! У меня просто плохое зрение!

У человека с невыразительным лицом не дрогнул ни один мускул. Только слегка дернулась и приподнялась вверх правая бровь. Он ничего не сказал в ответ и даже не обернулся, словно прозвучавшие только что в качестве извинений слова относились не к нему. На самом же деле он прекрасно знал этот тихий голос и его обладателя! А последняя фраза про плохое зрение была сказана не для того, чтобы объяснить причину собственной неловкости, а напротив, являлась ключевой в этом кратком монологе и означала серьезную и близкую опасность, грозившую человеку, ее произнесшему!

ПАРАШЮТИСТЫ-ДИВЕРСАНТЫ СТАЛИНА

Тем временем трамвай, почти не сбавляя скорости, повернул направо. Неловкий пассажир, испытывавший, по его собственным словам, проблемы со зрением, подтверждением чему служили большие круглые очки, закрывавшие добрую половину его лица, продвигаясь к выходу из вагона, не удержал равновесия и на какую-то секунду всем телом прижался к разом напрягшейся спине «невозмутимого». И тот почувствовал, как некий предмет буквально впихнули в глубокий карман его плаща!

Раздался звук тормозов, и трамвай остановился возле входа на станцию метро. Пассажиры густым потоком ринулись наружу, создав на короткое время иллюзию полупустого вагона. Оставшиеся в салоне стали занимать освободившиеся места.

Человек в сером плаще тоже двинулся к пустому сиденью, но садиться не стал, а любезно предложил занять его молодой женщине с большой сумкой, как раз поднявшейся по ступенькам в трамвай. Сам он остался стоять в проходе все с тем же спокойным и отсутствующим видом. При этом незаметно для окружающих наблюдая за людьми, покинувшими вагон на остановке.

Его внимание сразу привлекли фигуры трех человек в одинаковых черных плащах. Несмотря на плохую видимость, он все же разглядел, как двое из них, ввинтившись в толпу, быстро и сноровисто взяли под руки худощавого мужчину в нелепых круглых очках. Шедшие вокруг него люди, подобно волнам, разрезаемым носом идущего на всех парах по морю корабля, отпрянули в стороны. Третий «черный плащ» с пистолетом в руке расположился

метрах в пяти перед задержанным, перекрывая собой вход на станцию метро. Тотчас раздался скрип тормозов, и впритирку с тротуаром остановилась легковая машина. К ней и повели мгновенно поникшего и казавшегося совершенно подавленным человека в очках. Из автомобиля появились двое, как близнецы похожие одеждой на вышеупомянутую тройцу, и замерли под дождем, засунув руки в карманы своих плащей.

— Гестапо! — с ненавистью прошептал «невозмутимый», и в его глазах промелькнула молния, впрочем сразу исчезнувшая.

Большинство людей, как столпившихся на тротуаре, так и находившихся в вагоне, с любопытством, присущим обывателям, глазели на события, разворачивавшиеся перед ними.

— Смотри! — толкнул в бок человека в сером плаще оказавшийся с ним рядом здоровенный толстый детина с маленькими, заплывшими жирком глазами. — Этот хлюпик сейчас лишится чувств!

Действительно, гестаповцы, уверенно ведущие арестованного к машине, вдруг резко остановились. Причиной послужило то, что ноги задержанного внезапно подкосились. Он весь обмяк и повис на руках своих конвоиров. При этом его большие очки плавно сползли на кончик носа и, не удержавшись на нем, упали на мокрый асфальт.

— Эй ты, скотина! — дернул его за плечо один из гестаповцев, презрительно оттопырив нижнюю губу. — Умирать, что ли собрался, дистрофик?

Второй, услышав, как «уважительно» его товарищ обращается к задержанному, разжал обе руки,

ПАРАШЮТИСТЫ-ДИВЕРСАНТЫ СТАЛИНА

поддерживавшие безвольное тело. Звучно хлопнув ими себя по бедрам, он громко засмеялся, согнувшись почти пополам и едва не уронив при этом с головы шляпу.

Но в следующую секунду веселый смех внезапно оборвался и сменился хриплым булькающим звуком, вырвавшимся из горла медленно оседавшего на землю гестаповца. Это «дистрофик» свободной рукой нанес ему молниеносный удар точно в область гортани, буквально раздробив ребром ладони кыдык. Затем, напряжив ноги и используя в качестве опоры руку второго конвоира, он волчком раскрутился на месте, сделав тому резкую подсечку. Ничего не успевший понять фашист как подкошенный рухнул на асфальт с глухим звуком, сопровождавшимся противным хрустом, ударился затылком о бордюрный камень и замер без движения, неестественно подогнув под себя левую руку.

Все произошло настолько стремительно, что никто толком не смог еще ничего понять, а вырвавшийся на свободу худощавый человек уже мчался по улице, словно стрела, выпущенная из арбалета. Буквально в пятидесяти шагах впереди по правой стороне от дороги был широкий проход между домами, куда беглец собирался свернуть и скрыться от преследователей во дворах и извилистых переулках.

Ему удалось преодолеть не меньше двадцати метров, когда вдогонку раздались выстрелы. Двое остававшихся у машины гестаповцев бежали следом за ним, бегло и неточно стреляя. Третий, находившийся возле входа на станцию метро, то-

же сначала устремился в погоню. Но будучи, по-видимому, самым опытным среди всех, он почти сразу понял, что бессмысленно тягаться в скорости с беглецом. Остановившись, он быстро опустился на правое колено, вытянув вперед для равновесия левую ногу. Обхватив обеими руками рукоятку пистолета, гестаповец пять раз подряд нажал на курок, целясь в спину убегающему человеку. Тот, получив две пули в область печени и не добрав каких-то десяти шагов до спасительного поворота, как подкошенный рухнул на землю.

Но, когда запыхавшиеся преследователи подбежали к распростертому на мостовой телу, беглец, несмотря на смертельные ранения, был еще жив. Он лежал на спине, сложив руки вместе на груди, и тихо стонал. Один фашист, грубо выругавшись, сильно ударил истекающего кровью человека ногой в бок. Тот глухо вскрикнул, открыл глаза и обвел стоявших над ним гестаповцев медленным, но все еще ясным взглядом. Узнав своих врагов, он не стал тратить последние силы на страшные проклятия в их адрес, а неожиданно для них улыбнулся и опустил руки на землю, с последним вздохом разжав ставшие уже бесчувственными пальцы. На указательном пальце левой руки тускло блеснуло металлическое кольцо с отходившими от него двумя короткими проволочными усами.

— Он издевается над нами, мерзавец! — увидев застывшую улыбку на обескровленном лице, взвизгнул ничего более не подозревавший гестаповец и в бессильной ярости занес над уже мертвым телом ногу для удара.

ПАРАШЮТИСТЫ-ДИВЕРСАНТЫ СТАЛИНА

Это были последние слова и движения в его жизни. Граната с радиусом сплошного поражения осколками до двадцати метров, выскользнувшая из раскрытой безжизненной ладони, откатилась немного в сторону и на короткое мгновение замерла, словно наслаждаясь своей неожиданно обретенной свободой. Затем раздался глухой хлопок. Место, где только что стояли гестаповцы, заволочло едким дымом. Когда он рассеялся, то на земле вместо одного лежали уже три бездыханных тела.

На короткое время воцарилась почти полная тишина, вскоре, однако, сменившаяся все нарастающим гулом. Это праздные зеваки и прочие любопытные, наблюдавшие, как зрители в театре, то есть со стороны, за разыгравшейся на их глазах кровавой драмой, увидев, что беглец погиб и продолжения не будет, начали расходиться. Все снова заспешили по своим делам.

— Прощай, Владислав! — почти не разжимая губ, глухо произнес по-русски человек в сером плаще, выходя на улицу из еще стоявшего на остановке трамвая.

С каменным лицом, не ускоряя шага и не глядя по сторонам, он под внезапно усилившимся проливным дождем пересек расстояние, отделявшее его от входа на станцию метро, и, смешавшись с толпой, исчез в бурлящем людском водовороте.

* * *

Начальник одного из отделов службы советской военной разведки полковник Сазонов, коротко постучавшись, открыл дверь в кабинет своего

непосредственного начальника и старого друга генерал-майора Серегина.

— Разрешите, Степан Сергеевич! — Голос обычно сдержанного полковника звучал на удивление возбужденно.

— Входи, Николай Петрович, входи! — приветливо ответил Серегин, выйдя из-за стола и с улыбкой пожимая товарищу руку. — Чаю будешь?

— Спасибо, товарищ генерал, но боюсь, что чаепитие придется отложить! — Бледно-голубые глаза полковника впились в лицо Серегина. — Только что получено срочное донесение от Дирижера!

— Садись и докладывай! — разом посерьезнев, сказал генерал, показывая рукой на массивный деревянный стул, стоявший справа от стола.

Полковник опустил на предложенный стул и бесцветным голосом сказал:

— Дирижер сообщает, что погиб Циркач! Он чувствовал слезку со стороны гестапо и перед своей гибелью успел передать Инженеру портсигар с чрезвычайно ценными разведанными, касающимися дислоцированных на территории Польши гитлеровских частей и подразделений. Эту информацию Дирижер передаст при следующем сеансе связи.

Сазонов замолчал. Атмосфера в кабинете сгустилась и стала тяжелой.

— Светлая память Владиславу! — глухо произнес генерал, вставая.

Сазонов последовал его примеру. Так они и стояли в полном молчании, эти уже немолодые люди, скорбно склонив убеленные сединами головы.

ПАРАШЮТИСТЫ-ДИВЕРСАНТЫ СТАЛИНА

Полковник, несмотря на субординацию, первым нарушил молчание.

— Степан Сергеевич, это еще не все сведения, полученные от Дирижера!

— Вот как! — Генерал тряхнул головой, отгоняя от себя тягостные мысли, и вопросительно посмотрел на собеседника.

— В переданном Владиславом портсигаре также находился компромат на одно важное по нацистским меркам лицо, приближенное к Гитлеру. Это профессор Адольф Гранке — ученый, вплотную занимающийся разработками в области ракетостроения, а по совместительству еще и оккультными исследованиями. Он состоит в руководстве организации Аненербе и является личным другом фюрера!

— Хорошо, Николай Петрович! Когда от Дирижера поступит компромат на этого Гранке, то подумай, как мы сможем его использовать. А всю добытую Владиславом информацию по немецким войскам в Польше сразу после ее получения и расшифровки немедленно мне на стол! Ты ведь знаешь, какая ситуация на наших западных границах!

— Так точно, Степан Сергеевич! — кивнув головой, четко ответил Сазонов, но глаза его были грустными и какими-то опустошенными.

Когда полковник вышел, генерал тяжело вздохнул и, подперев кулаком слегка наклоненную голову, устремил задумчивый взгляд на окрашенную свежей зеленой краской стену своего кабинета.

Глубоко законспирированная группа советских разведчиков, много лет действовавшая на террито-

рии Германии, была его детищем. Именно ему, тогда еще полковнику Серегину, в начале тридцатых годов пришла в голову мысль внедрить в структуры Вермахта и Абвера своих сотрудников, но не использовать их сразу, а «законсервировать» на продолжительное время. Говоря по-простому, дать людям возможность без лишнего риска вжиться в свои новые образы, постепенно освоиться и, что называется, заматереть. И такая дальновидная стратегия через несколько лет стала приносить весьма и весьма ощутимые результаты! Информация, поступающая от группы Дирижера, почти всегда была чрезвычайно ценной и, что самое важное, никогда не нуждалась в дополнительной проверке! Трио разведчиков работало четко и надежно, словно прекрасно отлаженный часовой механизм.

И вдруг, как гром среди ясного неба, известие о гибели Владислава! Степан Сергеевич, наверное, в сотый раз прокручивал в голове эти трагические слова, произнесенные полковником Сазоновым, понимал, что самое страшное уже произошло, но все равно не хотел этому верить!..

Наступила ночь. Терзаемый внутренними противоречиями, генерал усилием воли все же заставил себя переключиться с погибшего на живых. Ему было необходимо очень многое обдумать. И в первую очередь надо было скорректировать направление и тактику работы группы, учитывая тот скорбный, но непреложный факт, что разведчиков теперь осталось только двое...

ГЛАВА 2

Барон Отто фон Камп происходил из семьи потомственных военных. Его дед и отец, будучи офицерами, участвовали во многих кампаниях.

Во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. Карл, дед Отто, дрался в составе баварской бригады в битве под Седаном и был дважды ранен. Это сражение стало поворотным моментом в его судьбе.

Провалявшись три месяца по госпиталям, Карл вышел в отставку и вернулся в родовой замок под Мюнхеном. Человек по натуре веселый и общительный, он, уединившись в замке, впал в глубокую депрессию. Говоря проще, стал сильно пить. Слишком давили на психику воспоминания о недавних кровавых событиях. Днем тягостные мысли не покидали его голову, а по ночам в снах приходили жуткие видения, призраки прошлого.

Два года Карл все глубже и глубже погружался в трясину алкоголизма и чувствовал, что постепенно сходит с ума. Его сознание было будто в густом тумане. Навязчивые видения полностью окутали мозг тяжелой завесой. Алкоголь, вначале